

УДК 316.74

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.52.164>

Модели интерпретации феномена религиозности в социологии религии: методологические предпосылки и аксиологические основания

А. А. Легостаев*

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация*

Аннотация. Исследуется социология религии как академическая дисциплина, акцентирующая внимание на сложности и многообразии религиозной жизни в обществе. Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа влияния религиозных чувств на социальные процессы в различных контекстах. Постановка проблемы заключается в выявлении критериев и методологии измерения религиозности, учитывающих как общие, так и индивидуальные аспекты. Рассматриваются основные концепции религиозности, включая функциональные и многомерные подходы, а также их применение в эмпирических исследованиях. Обсуждаются результаты анализа, демонстрирующие, что религиозность не может быть редуцирована к одному измерению и требует комплексного подхода. Выводы подчеркивают важность учета региональной и конфессиональной специфики, а также необходимость интеграции различных теорий и методов для более глубокого понимания динамики религиозных сообществ. Новизна работы заключается в предложении синтеза социологических, когнитивных и психоэмоциональных подходов, что открывает новые горизонты для дальнейших исследований в области религиоведения.

Ключевые слова: социология религии, религиозность, эпистемология, методология, аксиология, теории секуляризации.

Для цитирования: Легостаев А. А. Модели интерпретации феномена религиозности в социологии религии: методологические предпосылки и аксиологические основания // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 52. С. 164–173. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.52.164>

Original article

Models of Interpretation of the Phenomenon of Religiosity in the Sociology of Religion: Methodological Prerequisites and Axiological Foundations

A. A. Legostaev*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The sociology of religion is examined as an academic discipline emphasizing the complexity and diversity of religious life in society. The relevance of the work is driven by the need to analyze the impact of religious feelings on social processes in various contexts. The problem is

framed around identifying criteria and methodologies for measuring religiosity that consider both general and individual aspects. Key concepts of religiosity, including functional and multidimensional approaches, and their application in empirical research are discussed. Results demonstrate that religiosity cannot be reduced to a single dimension and requires a comprehensive approach. Conclusions emphasize the importance of considering regional and confessional specificity, as well as the necessity of integrating various theories and methods for a deeper understanding of the dynamics of religious communities. The novelty of the work lies in proposing a synthesis of sociological, cognitive, and psycho-emotional approaches, thereby opening new avenues for future research in the field of religious studies.

Keywords: sociology of religion, religiosity, epistemology, methodology, axiology, secularisation theory.

For citation: Legostaev A.A. Models of Interpretation of the Phenomenon of Religiosity in the Sociology of Religion: Methodological Prerequisites and Axiological Foundations. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2025, vol. 52, pp. 164–173. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.52.164> (in Russian)

Социология религии, будучи академической дисциплиной, сосредоточенной в большей степени на анализе статистических данных, периодически включает в сферу своей ответственности те аспекты религиозной жизни общества, которые нередко достаточно сложно вычислить с помощью ее стандартного инструментария. К ним, в частности, можно отнести вопрос измерения интенсивности религиозных чувств как в случае отдельного человека, так и при анализе ситуации в отдельном географическом или политическом регионе. В данном случае исследования, посвященные различным аспектам такого феномена, как религиозность, призваны ответить на вопрос, не только во что верят люди, но и каким образом они это делают. При этом во время построения дизайна подобного исследования необходимо учитывать не только характерные особенности различных религиозных традиций, происходящие из специфичности их догматики и ритуальных практик, но и широкий спектр переменных различного характера как общего (географические и историко-политические особенности региона, в границах которого проводится исследование), так и частного (к числу которых относятся особенности биографии и психоэмоционального состояния отдельного респондента) характера. В силу вышеуказанных факторов мы можем наблюдать ситуацию, при которой результаты анализа данных, полученных в ходе исследования, могут кардинально отличаться у представителей различных социологических школ. Обзор же основных концепций религиозности, в свою очередь, позволит нам определить наиболее важные критерии, лежащие в основе дизайна, методологии и принципов интерпретации данных, и в дальнейшем использовать их в рамках самостоятельного исследования.

Учитывая метатеоретические задачи настоящей работы, под религиозностью мы будем понимать латентную характеристику личности, группы или общества, отражающую степень экзистенциального и интеллектуального принятия личностью, группой или обществом определенных религиозных учений. Стоит отметить, что понятие религиозности будет варьироваться в зависимости от методологических предпосылок исследователя. Так, например, в рамках когнитивно-ориентированного подхода религиозность будет рассматриваться как предрасположенность к определенной форме поведе-

ния. Поэтому в рамках нашего определения религиозности оборот «степень принятия» относится не к отдельному и обособленному измерению убеждений, а к широкому подмножеству характеристик (поведенческие, аксиологические, социальные, мировоззренческие и т. д.), задаваемых непосредственно самими социологами религии при конструировании критерия религиозности.

Прежде всего, необходимо обозначить эпистемологический аспект избранной нами проблематики религиозности, рассмотрев дисциплину, одной из функций которой является исследование религиозной идентичности. Современный российский социолог религии И. Н. Яблоков отмечает, что социология религии как дисциплина формировалась на пересечении двух предметных областей: общей социологии и религиоведения [14]. Несмотря на то что генетические корни социологии религии лежат в области общей социологии, в связи с чем она оперирует понятиями и концепциями, сформулированными в «материнской дисциплине», социология ассоциируется с религиоведением по аналогии предметного поля. Согласно И. Н. Яблокову [14], социология религии представляет собой одну из отраслевых социологий и находится в ряду таких дисциплин, как социология культуры, социология брака, социология морали и т. д. При этом социология религии, входя в религиоведение наряду с историей, психологией и феноменологией религии, становится в подчиненное положение к главной религиоведческой дисциплине – философии религии, которая задает для социологии религии как предметное поле, так и совокупность методологического инструментария.

Такое представление о строении науки о религии подвергается критике со стороны других религиоведов [3], указывающих на непоследовательность в теоретических построениях И. Н. Яблокова: каким образом социология «родительного падежа», становясь частью религиоведения, может настолько оторваться от общей социологии, что ее метод выходит из лона «материнской дисциплины»? По мнению И. П. Давыдова [3], такая парадигма религиоведения, отстаивающая первенство философии религии, опирается на немецкую классическую философию и нуждается в пересмотре.

В противоположность И. Н. Яблокову И. П. Давыдов считает, что эпистемологические и методологические вопросы религиоведения как дисциплины являются предметной областью не философии религии, а эпистемологии религиоведения [3]. Исследователь убежден, что эпистемологический поворот, начавшийся в гуманитарных науках в последней четверти XX в., в настоящее время становится актуален и для религиоведения. А. М. Прилуцкий же убежден, что говорить об эпистемологическом повороте в религиоведении на настоящий момент не следует [6].

Другим вариантом решения данной эпистемологической проблемы является введение такой области, как метарелигиоведение, представляющей собой некий концептуальный каркас (в терминологии К. Поппера и Р. Карнапа), который выполняет методологические и эпистемологические функции, якобы придавая религиоведению некое структурное единство [6]. Такая ситуация возможна при условии, что мы представляем религиоведение как комплексную дисциплину. Однако при приближении к данной проблеме

становится очевидно, что религиоведение представляет собой не единую комплексную науку, а совокупность дисциплин, где каждая будет зависеть от «материнской дисциплины». Данное положение подтверждается тем фактом, что каждая дисциплина «родительного падежа» использует методы, сформированные в русле общей дисциплины. Так, в социологии религии используются количественные и качественные методы, которые были разработаны и апробированы в общей социологии применительно ко всем предметам социологии. Таким образом, оказывается, что религиоведение само по себе не имеет своих специфических методов, а опирается на методы других наук, входящих в его состав в виде «наук родительного падежа».

Способом решения указанной методологической и эпистемологической проблемы И. П. Давыдов видит устранение такого пустого понятия, как метарелигиоведение [3], поскольку предпосылки введения этого понятия являются ложными, а также введение и обоснование такой области знания, как эпистемологии религиоведения, главной функцией которого будет посредничество между философией религии (которая не является частью религиоведения) и религиоведческими дисциплинами. Достоинствами эпистемологии религии являются, во-первых, ее полное соответствие критериям гуманитарных наук, а во-вторых, ее прямая связь с гносеологией и эпистемологией естественных наук, что проявляется в наличии в инструментарии этой дисциплины формализованных правил вывода.

Одними из функций социологии религии являются исследование религиозности, конструирование критериев и типологии религиозности. Самым частым способом операционализации понятия «религиозность» в современной социологии религии является его редуцирование к одному или нескольким измерениям.

Выделение измерений религиозности предполагает как определение понятия религии, так и конструирование ее критериев, опирающихся на это определение. Современные исследователи оперируют различными подходами при приближении к задаче определения религии. Прежде всего, специалисты следуют социологическому подходу к определению религиозности, предлагая функциональное определение Э. Дюркгейма, главными положениями которого являются признание религии социальным явлением, системой верований и практик, которая представляет собой моральную общность [4]. Таким образом, с помощью данного определения мы уже можем проследить определенные измерения религиозности (измерение социальное, измерение верований, измерение религиозной практики, а также аксиологическое измерение). В 1960-е гг. американский социолог религии Ч. Глок (позже рассмотрена совместно с Р. Старком) предложил собственную многомерную концепцию религиозности. Данная концепция рассматривает религиозность как сложный психосоциальный конструкт, состоящий из пяти измерений [16]:

- 1) наличие и характер религиозного опыта («опытное измерение»);
- 2) участие в ритуальных практиках («измерение ритуализма»);
- 3) содержание религиозных убеждений («идеологическое измерение»);
- 4) знание религиозного учения («интеллектуальное измерение»);

5) влияние вышеперечисленных факторов на повседневную жизнь («результативное измерение»).

Список измерений религиозности неоднократно пересматривался социологами религии. Например, Ё. Фукуяма добавил к измерениям Глока также когнитивное измерение, предполагающее знание индивида об исповедуемой им религии [9]. Отстаивая преимущества многомерной шкалы религиозности, Ч. Глок и Р. Старк отметили, что анализ по одному измерению не является репрезентативным, поскольку данные по одному параметру не позволяют дать предсказание по остальным [9]. Однако универсальность таких критериев оценки и результативность исследований, проведенных с помощью метода многомерной шкалы, могут быть поставлены под вопрос, например, в случае сравнения религиозности представителей различных конфессий одной религии. А в случае сравнения православия и протестантизма индивиды с ярко выраженным ритуальным измерением будут существенно отличаться, что также необходимо учитывать при построении дизайна исследования и интерпретации полученных результатов.

В то же время социологи религии отстаивают преимущества одномерной шкалы религиозности. Применение факторного анализа при исследовании религиозности позволило Дж. Глейдену и Р. Клейтону заявить о том, что по идеологическому измерению мы можем судить о религиозности индивида [10]. Российские социологи Н. С. Бабич и В. И. Хоменко, руководствуясь когнитивным подходом, рассматривают религиозность как «предрасположенность сознания к принятию религиозных идей и практик» [1]. Исследователи отмечают, что подобная характеристика религиозности позволяет рассматривать ее в широком смысле: как в рамках мировых религий, так и склонность верить в бытовые суеверия.

Учитывая непрекращающиеся дискуссии относительно релевантности использования многомерной шкалы [2], кажется необходимым пересмотр операционализации понятия религиозности в рамках многомерного подхода в зависимости от конкретных целей исследования, а также в зависимости от региональной и конфессиональной специфики исследования. Плодотворным представляется будущий синтез когнитивных наук, психологии и социологии религии, что позволит вывести религиоведение в когнитивистский дискурс и расширить инструментарий наук о религии за счет включения в него методов, заимствованных из естественно-научных дисциплин. В таком случае мы вынуждены, возвращаясь к проблеме эпистемологического статуса религиоведческих дисциплин, признать необходимость эпистемологии религиоведения как своеобразного медиатора между науками о природе и науками о духе.

Полное представление о религиозности невозможно без упоминания общих социологических теорий религии, которые выступают предпосылками для конкретно-социологических исследований. Согласно теории секуляризации, научно-технический прогресс и связанная с ним дифференциация социальных и производственных структур постепенно приводят к уменьшению роли религии в качестве аксиологического и эсхатологического ориентира, что в свою очередь должно повлечь за собой не только уменьшение

роли религиозных институтов в жизни социума, но и постепенное сокращение числа верующих, что в конечном итоге должно привести к отказу человечества от религии и замещению ее функций наукой, культурой и государственными институтами.

Сторонник теории секуляризации Карел Доббелер утверждает, что данный процесс протекает как на макроуровне (общества в целом), так и на микроуровне (в сознании отдельного человека), что выражается и в усложнении и дифференцировании светских социальных институтов, многие из которых берут на себя функции, ранее закрепленные за религиозными организациями (в частности, образование и легитимация государственной власти), и в изменении образа мышления отдельного человека, который в результате «расколдовывания» мира (термин М. Вебера) уделяет все больше внимания имманентным вещам, предпочитая обращаться за ответами на экзистенциальные вопросы к науке, не требующей от него знания догматических тонкостей и выполнения регулярных религиозных обрядов [15]. Окружающий мир при этом воспринимается как имеющий имманентную природу, а следовательно, потенциально возможный для познания с помощью исключительно человеческого разума. Религиозность, таким образом, воспринимается сторонниками теории секуляризации как проявление гносеологической и психологической незрелости отдельно взятого индивида или недостаточного уровня дифференциации социальных и культурных институтов от власти религиозных организаций.

В основу данной теории легла концепция рынка Адама Смита, согласно которой рыночные отношения представляют собой пропорциональное соотношение спроса на определенный товар или услугу со стороны потребителя и предложения данного продукта со стороны рынка. Американский социолог религии Стивен Уорнер, критикуя теорию секуляризации, в своих работах указал на разницу восприятия феномена религии в европейском и американском обществе, выражающуюся в противопоставлении модели «государственной монополии» против «конкурирующих фирм» [11].

Наиболее последовательно данная концепция была изложена в книге Р. Старка и У. Бейнбриджа «Теория религии» [17]. В ней авторы проводят параллели между религиозными организациями и коммерческими компаниями, предлагающими потребителю (рядовому верующему) определенные товары, в качестве которых выступают религиозный опыт, ответы на экзистенциальные вопросы и эсхатологические ожидания. При этом религиозные организации конкурируют между собой за расположение верующих, которые, в свою очередь, естественным образом создают спрос на подобные «услуги». При этом, согласно данной теории, в зависимости от «широты предлагаемого ассортимента» (а именно разнообразия предлагаемых традиций форм религиозного опыта) и уровня эгалитаризма, выражающегося в отсутствии жестко структурированной иерархии, может изменяться «коммерческая привлекательность» религиозной организации для потенциального неофита [17]. Однако «религиозный рынок», подобно рынку коммерче-

скому, имеет определенную границу уровня насыщения, после достижения которой спрос на «услуги» религиозных организаций начинает снижаться.

Также весьма значимой для данной теории является концепция «религиозного капитала», предложенная Л. Яннаконе [13]. Под религиозным капиталом исследователь понимает совокупность знаний и опыта отдельного человека в религиозной сфере, причем, уподобляя религиозную жизнь производственному процессу, Л. Яннаконе пишет о прямой корреляции между характером данного «капитала» и выбором того, к какой религиозной организации присоединиться. Согласно данной концепции, чем более тесно человек связан с определенной религиозной традицией, тем больше вероятность того, что в случае, если он по тем или иным причинам решит прекратить сотрудничество с ней, он присоединится к общине со схожим типом «религиозного производства».

Стоит отметить использование данной теории религии в эмпирических исследованиях в российской социологии религии. Так, Н. Н. Емельянов выявляет корреляцию религиозного спроса и религиозного предложения в России и делает вывод об ограниченности религиозного предложения на постсоветском пространстве [5]. Таким образом, феномен религиозности понимается сторонниками теории рационального выбора как показатель «профицита» религиозного капитала, инвестированного в ту или иную религиозную традицию.

Аксиологический аспект изучения религиозности можно представить в виде нескольких тематических блоков, разрабатываемых зарубежными и российскими социологами религии в рамках своих исследований. Во-первых, ими поднимается вопрос о корреляции религиозности и ценностной сферы [8]. Во-вторых, немаловажной проблемой является соотношение религиозных и нравственных ценностей и их поведенческих следствий [16]. В-третьих, большое внимание уделяется проблеме связи первичной религиозной социализации и ценностей индивида [9].

Аксиологический аспект религиозности затрагивался социологами с самого начала комплексных исследований религиозности. Ч. Глок, разрабатывавший пять измерений религиозности, соотносил пятое результирующее измерение с влиянием остальных измерений религиозности на ценности и поведение индивида [16]. Советские и российские исследователи также не игнорировали ценностный аспект религиозности. Так, Д. М. Угринович считал религиозные ценности и нормы необходимым элементом религиозного сознания [12], а И. Н. Яблоков считает одним из главных параметров для типологии религиозности влияние религиозных представлений на нравственное сознание [14].

Российский социолог религии Е. В. Пруцкова, развивая идею М. Чавеса, отмечает, что в современной социологии господствуют заблуждения относительно соотношения моральных ценностей и религиозности [7]. Так, будет заблуждением полагать, что религиозные убеждения индивида и его ценности составляют непротиворечивую логически стройную систему, которой индивид руководствуется при принятии решения. На самом деле религиоз-

ные ценности и убеждения не влияют напрямую на поведение индивидов, как было доказано эмпирическими исследованиями. Одно из возможных объяснений отсутствия этого влияния предлагают теоретики секуляризации, отмечая, что религия обособляется в отдельную сферу общества и, замыкаясь в себе, перестает воздействовать на прочие сферы, в том числе на сферу морали и ценностей. В случае стран, где в XX в. господствовал социалистический строй и где предпринимались попытки насильственной секуляризации «сверху», эта проблема получает следующее объяснение. Религиозная традиция в этих странах была насильственно прервана, а следовательно, не существовало института, который бы осуществлял религиозную социализацию индивидов, которую Е. В. Пруцкова считает главным фактором влияния религиозных убеждений на ценности и нормы респондента. Дело в том, что, по мнению исследователя, в случае отсутствия первичной религиозной социализации (в детском возрасте) приверженность нормам усваивается раньше, а посему религиозность, «привитая» позднее, не влияет на поведение и ценности индивида [9]. Эта идея объясняет отсутствие корреляции между религиозностью и ценностями респондентов из стран бывшего социалистического лагеря.

Следует сделать вывод, что приведенные примеры конкретных социологических исследований корреляции между религиозностью и моральными ценностями демонстрируют необходимость учитывать региональную и профессиональную специфику отдельно взятых географических и политических областей.

Анализ религиозности требует комплексного подхода, учитывающего множество факторов, что подчеркивает многогранность этого явления. Ключевыми критериями оценки религиозности являются степень принятия религиозных учений, вовлеченность в религиозные практики, личные убеждения индивидов и влияние религии на социальные ценности. Каждый из этих аспектов играет важную роль в понимании того, как религия формирует идентичность и поведение людей в современном обществе.

Степень принятия религиозных учений включает в себя не только формальную принадлежность к религии, но и глубину внутреннего восприятия и согласия с основными принципами веры. Вовлеченность в религиозные практики, такие как молитва, участие в обрядах и общинах, также является важным индикатором, который может варьироваться от регулярного участия до редких посещений. Личные убеждения индивидов, формируемые как под воздействием религиозного воспитания, так и через личный опыт, влияют на их моральные и этические ориентиры.

Влияние религии на социальные ценности, в свою очередь, отражает взаимодействие между религиозными традициями и культурными нормами общества. Это взаимодействие может как укреплять, так и вызывать конфликты в социальных отношениях. Углубленное изучение этих критериев может помочь исследователям и практикам лучше понять динамику религиозных сообществ, их внутренние изменения и влияние на социальные процессы.

Таким образом, дальнейшие исследования в этой области могут способствовать более глубокому пониманию роли религии в жизни общества и ин-

дивидуумов, а также выявлению путей, по которым религиозные ценности могут быть интегрированы в современные социальные дискурсы. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на интеграции различных теорий и методов для более глубокого анализа религиозных процессов в современном обществе. Это понимание может помочь в разработке более эффективных стратегий взаимодействия между различными религиозными и культурными группами, что особенно актуально в условиях глобализации.

Список литературы

1. Бабич Н. С., Хоменко В. И. Концептуальные основы построения одномерной шкалы религиозности // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 65–71.
2. Бабич Н. С., Хоменко В. И. Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 89–96.
3. Давыдов И. П. Эпистема мифоритуала. М. : Макс-Пресс, 2013. 180 с.
4. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М. : Дело РАНХиГС, 2018. 736 с.
5. Емельянов Н. Н. Парадокс религиозности: откуда берутся верующие? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2(144). С. 32–48.
6. Прилуцкий А. М., Давыдов И. П. Эпистема мифоритуала // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1, Богословие. Философия. Религиоведение. 2014. № 53(3). С. 151–155.
7. Пруцкова Е. В. Операционализация понятия «Религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2(30). С. 268–293.
8. Пруцкова Е. В. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 72–88.
9. Пруцкова Е. В. Связь религиозности с базовыми ценностями и субъективными нормами населения России и других европейских стран : дис. ... канд. филос. наук. М., 2021. 220 с.
10. Пруцкова Е. В., Маркин К. В., Врублевская П. В. Q-методология в изучении «слабой религиозности» // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 3. С. 184–202.
11. Сафронов Р. О. Современные социологические теории религии в США и Европе // Религиоведческие исследования. 2009. № 1-2. С. 24–44.
12. Угринович Д. М. Введение в религиоведение. М. : Мысль, 1985. 270 с.
13. Узланер Д. А. Конец религии? История теории секуляризации. М. : ИД Высш. шк. экономики, 2019. 240 с.
14. Яблоков И. Н. Социология религии. Теоретические проблемы. М. : МАКС Пресс, 2014. 265 с.
15. Dobbelaere K. Towards an Integrated Perspective of the Processes Related to the Descriptive Concept of Secularization // Sociology of Religion. 1999. Vol. 60, Iss. 3. P. 229–247.
16. Glock C. Y. On the Study of Religious Commitment // Religious Education, Research Supplement. 1962. Vol. 57, Iss. 4. P. 98–110.
17. Stark R., Bainbridge W.S. A Theory of Religion. New York : Peter Lang, 1987. 386 p.

References

1. Babich N.S., Homenko V.I. Konceptualnye osnovy postroeniya odnomernoj shkaly religioznosti [Conceptual framework for constructing a unidimensional scale of religiosity]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2016, no. 6, pp. 65–71. (in Russian)
2. Babich N.S., Homenko V.I. Logicheskie i prakticheskie trudnosti mnogomernogo podhoda k izmereniju religioznosti [Logical and practical difficulties of a multidimensional approach to measuring religiosity]. *Sociologicheskij zhurnal*, 2013, no. 2, pp. 89–96. (in Russian)
3. Davydov I.P. *Jepistema miforituala* [The episteme of the mythoritual]. Moscow, Maks-Press, 2013, 180 p. (in Russian)

4. Djurkgejm Je. *Jelementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaja sistema v Avstralii* [Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia]. Moscow, Delo Publ., 2018, 736 p. (in Russian)
5. Emel'janov N.N. Paradoks religioznosti: otkuda berutsja verujushhie? [The paradox of religiosity: where do believers come from?]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2018, no. 2, pp. 32-48. (in Russian)
6. Priluckij A.M. Davydov I.P. Jepistema miforituala [Episteme of the mythoritual]. *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 1: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie*, 2014, no. 53(3), pp. 151-155. (in Russian)
7. Pruckova E.V. Operacionalizacija ponjatija "Religioznost" v jempiricheskikh issledovanijah [Operationalisation of the concept of "Religiosity" in empirical research]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2012, no. 2(30), pp. 268-293. (in Russian)
8. Pruckova E.V. Religioznost i ee sledstvija v cennostno-normativnoj sfere [Religiosity and its consequences in the value-normative sphere]. *Sociologicheskij zhurnal*, 2013, no. 2, pp. 72-88. (in Russian)
9. Pruckova E.V. *Svjaz religioznosti s bazovymi cennostjami i subektivnymi normami nasele-nija Rossii i drugih evropejskikh stran* [Connection of religiosity with basic values and subjective norms of the population of Russia and other European countries]. Cand. sci. diss. Moscow, 2021, 220 p. (in Russian)
10. Pruckova E.V., Markin K.V., Vrublevskaja P.V. Q-metodologija v izuchenii "slaboj religioznosti" [Q-methodology in the study of "weak religiosity"]. *Nauchnyj rezultat. Sociologija i upravlenie*, 2020, no. 3, pp. 184-202. (in Russian)
11. Safronov R.O. Sovremennye sociologicheskie teorii religii v SShA i Evrope [Modern sociological theories of religion in the USA and Europe]. *Religiovedcheskie issledovanija*, 2009, no. 1-2, pp. 24-44. (in Russian)
12. Ugrinovich D.M. *Vvedenie v religiovedenie* [Introduction to Religious Studies]. Moscow, Mysl Publ., 1985, 270 p. (in Russian)
13. Uzlaner D.A. *Konec religii? Istorija teorii sekularizacii* [The End of Religion? The history of secularisation theory]. Publishing house Higher School of Economic, 2019, 240 p. (in Russian)
14. Jablov I.N. *Sociologija religii. Teoreticheskie problemy* [Sociology of Religion. Theoretical problems]. Moscow, MAKS Press, 2014, 265 p. (in Russian)
15. Dobbelaere K. Towards an Integrated Perspective of the Processes Related to the Descriptive Concept of Secularization. *Sociology of Religion*, 1999, vol. 60, no. 3, pp. 229-247.
16. Glock C.Y. On the Study of Religious Commitment. *Religious Education, Research Supplement*, 1962, Vol. 57. Iss. 4. P. 98-110.
17. Stark R., Bainbridge W.S. *A Theory of Religion*. New York, Peter Lang, 1987, 386 p.

Сведения об авторе

Легостаев Алексей Александрович
 аспирант, кафедра философии религии и
 религиоведения, философский факультет
 Московский государственный университет
 им. М. В. Ломоносова
 Российская Федерация, 119991, г. Москва,
 Ломоносовский проспект, 27
 e-mail: legostaeva@my.msu.ru
 ORCID 0009-0000-5848-4851

Information about the author

Legostaev Alexei Alexandrovich
 Postgraduate, Department of Philosophy of
 Religion and Religious Studies, Faculty of
 Philosophy Lomonosov
 Moscow State University
 27, Lomonosovsky ave., Moscow,
 Russian Federation, 119991
 e-mail: legostaeva@my.msu.ru
 ORCID 0009-0000-5848-4851